

УДК 81'373.45

ФРАНЦУЗСКИЕ ВКРАПЛЕНИЯ В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© А.В.Агеева

Настоящая статья посвящена изучению проблемы функционирования иноязычных вкраплений в текстах русской литературы начала XIX века. В статье приводится определение понятия «иноязычное вкрапление», различные подходы к классификации вкраплений с позиций их структурной и функциональной специфики, дается типология вкраплений в текстах анализируемых произведений с учетом их функциональной нагрузки.

Ключевые слова: иноязычное вкрапление, лингвопрагматика, русская литература, функция, билингвизм.

Проблема активизации и функционирования иноязычной лексики в русском языке вот уже много столетий является одной из наиболее острых не только в языкознании и литературоведении, но и в других сферах общественной жизни страны. Она не оставляет равнодушным ни одного человека, живо интересующегося историей своего государства, его настоящим и будущим.

В той сложной и неоднородной системе, которую представляет собой пласт иноязычной и заимствованной лексики, особняком стоит группа иноязычных вкраплений. Сам термин «иноязычное вкрапление» введен А.А.Леонтьевым, рассматривавшим его в качестве «сосуществования» двух текстов: «...текст на любом языке можно представить себе как результат «развертки» модели соответствующего языка, порождающей этот текст по определенным правилам. И наоборот, можно построить такую модель, которая будет результатом «свертывания» текста по определенным правилам. Однако <...> некоторые отрезки (сегменты) текста не укладываются в нашу модель. Это очень частые в любом языке иноязычные вкрапления в любой текст» [1: 60]. Разработанная Леонтьевым классификация, основанная на комбинации четырех «независимых уровней» (лексемный, морфемный, фонемный и уровень звукотипов), включает 16 видов иноязычных вкраплений.

Понятие «иноязычное вкрапление» значительно конкретизировано Л.П.Крысиным, который выделил его, наряду с заимствованиями и экзотизмами, в отдельный тип иноязычных слов, характеризующийся собственной структурной и функциональной спецификой. Сами же вкрапления разделены на две группы [2]:

1. Элементы, имеющие интернациональный характер и могущие употребляться в текстах «любого культурного языка», так называемый «межъязыковой словесно-фразеологический фонд». Их отличительной особенностью является отсутствие стилистической маркированности, т.е. они могут употребляться как в книжной, так и в разговорной речи.

2. Элементы, которые носят окказиональный характер и не могут быть названы устойчивыми или интернациональными. Их использование связано зачастую с художественно-стилистическими задачами, индивидуальным словоупотреблением автора, ими же ограничено.

Ю.Т.Листрова-Правда предложила собственные классификации иноязычных вкраплений, которые дают представление о типах иноязычных вкраплений и их месте в русском литературном языке, специфике отбора, стилистических функциях вкраплений исходя из национально-культурной специфики содержания текста [3].

Одна из классификаций построена на разности соотношений систем языка-источника и языка-рецептора в контексте вкрапления, на основе которой выделяются четыре группы иноязычных вкраплений:

1. Полное иноязычное вкрапление – отрезок текста на иностранном языке, включенный в текст без каких-либо изменений.

2. Частичное иноязычное вкрапление – слово, словосочетание, предложение или даже отрывок иностранного текста, которые частично (фонетически или морфологически) ассимилированы в языке или включены в синтаксические отношения с членами русского предложения.

3. Контаминированное, или русско-иноязычное вкрапление, представляющее собой русское

слово, словосочетание или предложение, употребленное по законам другого языка (или с нарушением закона русского языка).

4. Нулевое вкрапление, представляющее собой обычный русский переводной текст или отрывок такого текста, включенного в оригинальную русскую речь.

Вторая классификация исходит из степени связанности иноязычных вкраплений с национально-культурным своеобразием содержания сообщения в переводных и оригинальных текстах. Прежде всего это касается текстов, изображающих вариативную и стандартную речевую ситуацию, которые определяют использование собеседниками иностранного языка или иноязычных вкраплений. Сочетание многих критериев, среди которых можно назвать 1) место языкового контакта (родная / чужая страна); 2) характеристику контактирующих (национальность, социальный статус, пол, гражданство), степень владения родным и иностранным языком; 3) цель общения (установка на качество речи); 4) психическое и физическое состояние вступивших в контакт [3], делает возможным употребление билингвом как одного, так и другого языка в качестве средства общения и включение в речь на родном языке иноязычных вкраплений.

Произведения русской художественной литературы позапрошлого столетия, составляющие золотой фонд мирового культурного наследия, предоставляют ученым, пожалуй, неисчерпаемый источник исследования данной проблемы. В рамках данной работы нам бы хотелось остановиться на творчестве Н.А. Дуровой, чье литературное наследие, на наш взгляд, незаслуженно обойдено вниманием исследователей.

Надежда Андреевна Дурова (1783-1866) – русская писательница, прозаик первой половины XIX в., первая в русской армии женщина-офицер. В 1836 г. в №2 журнала «Современник» были напечатаны её мемуары (впоследствии вошедшие в «Записки»). Личность Дуровой сильно заинтересовала А.С.Пушкина, который восторженно отзывался о ней на страницах своего журнала и всячески побуждал её к литературной деятельности. «Будьте смелы, – пишет он, – вступайте на попрание литературное столь же отважно, как и на то, которое вас прославило» [цит. по: 4: 183]. «Записки» имели большой успех, что побудило Дурову к дальнейшему сочинительству. С 1840 года она стала печатать свои произведения в «Современнике», «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках». В 1840 году вышло собрание сочинений в четырёх томах.

В повести «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения» Н.А.Дурова пишет: «Сегодня я прочитала, что в Записках моих много галлицизмов. Это легко может быть, потому что я не имею понятия, что такое галлицизм» [4: 122]. Так, с великолепной простотой (и с изрядной долей лукавства, как мы увидим позже) Дурова расписывается в своем полном невежестве касательно галлицизмов. Дворянка, она, разумеется, великолепно владеет французским языком, а с другой стороны – совершенно не отдает себе отчета в том, что в своей прозе, поначалу в «Записках» во всяком случае, она не только употребляет те самые лексические галлицизмы, обозначающие привычные армейские понятия (пистолет – pistolet, марш – marche, арсенал – arsenal, султан – sultan, галоп – galop, карьер – carrière, эскадрон – escadron, ведет – vedette, арьергард – arrière-garde), но невольно копирует не менее привычные образцы французского синтаксиса и фразеологии («я много выросла» – j'ai beaucoup grandi, «ищут быть со мной» – cherchent à être avec moi, «взять место» – prendre la place, «брать участие» – prendre part). Зато в вышеупомянутой повести «Год жизни в Петербурге...», помимо всего перечисленного, писательница вполне осознанно употребляет и прямые французские вкрапления в русскую речь – зачастую как исчерпывающую характеристику речевого поведения своих петербургских знакомых, намекая тем самым, где действительно много галлицизмов.

Нам представляется, что при анализе иноязычных вкраплений в художественной (и часто публицистической) литературе следует учитывать, возможно, даже в первую очередь, их функциональную нагрузку, причем репертуар этих функций крайне широк и не ограничивается традиционной стилистической нагрузкой на иноязычное слово, выражение и даже микротекст как на знак инонациональной культуры, призванный, по выражению Л.В.Чернеца, быть замеченным читателем, критиком, литературоведом именно в этом качестве [5: 6]. Попробуем проиллюстрировать данное утверждение.

1. Вкрапления, обусловленные лакунарностью понятия, фоновых знаний, невозможностью подобрать полноценный русский эквивалент, выполняют сугубо номинативную функцию:

*Наконец я увидела провозимые мимо нас орудия. Я спросила своего **protégé**, не хочет ли он при них остаться, что ему покойнее будет лежать на лафете, нежели сидеть на лошади* [4: 55].

Глагол *protéger* функционирует во французском языке со следующими значениями: 1. Mettre quelqu'un, quelque chose à l'abri d'un

dommage, d'un danger : *Le store nous protège du soleil. Le vaccin protège contre l'épidémie.*
 2. Assurer la protection des personnes qui se trouvent dans un lieu, ou qui y circulent, par un équipement spécial ou par un personnel spécialisé : *Des barrières protègent la sortie de l'école.*
 3. Favoriser le développement d'une activité en apportant son soutien, son aide, en particulier sur un plan financier, pratique: *Protéger les arts et les lettres.* [6]

Страдательное причастие прошедшего времени **protégé** при субстантивации сохранило в современном французском лишь одну сему из трех, а именно *personne que quelqu'un prend sous sa protection et qu'il favorise par rapport à d'autres* и в качестве имени существительного заимствовано русским языком именно в этом значении: франц. «Находящийся под покровительством» [7], (фр.). «Находящийся под покровительством, покровительствуемый; любимец; облагодетельствованный кем-либо» [8]. В современном русском языке ЛЕ сохранила свое значение: ПРОТЕЖЕ – [тэ], нескл., муж. и жен. (франц. protégé). Лицо, пользующееся чьим-нибудь покровительством или рекомендацией при устройстве своих дел, служебной карьеры [9], в литературе зачастую употребляется с негативной или иронической коннотацией: Отличали только хороших работников, а не разных протеже. [Станюкович, цит. по 9].

В «Записках» же речь идет не о благодеяниях и тем более какой-либо иронии в адрес раненого улана, а о помощи – оттуда и частичное вкрапление, отнесенное к мужскому роду (*своего protégé*), включенное в синтаксические отношения с членами русского предложения (дополнение), производное от основной семы во французском языке «защищать, укрывать кого-л. от опасности».

Дочь князя, которую я знала еще, когда она носила волосы, завитые à la tirebouchon, и была очень милая черноглазая брюнеточка четырнадцати лет, теперь дама, мать многих детей, и как была, так и осталась: святое добродушие [4: 106].

Французское имя существительное *tirebouchon* имеет два значения: 1. Instrument en forme de vis servant à retirer le bouchon d'une bouteille. 2. Mèche de cheveux frisée en spirale [6] – т.е. под прядями, завитыми *à la tirebouchon*, Дурова подразумевает не просто локоны (ср. нем. Locken. Прядь выющихся волос [8]), а локоны, завитые крутыми спиралями.

В самом деле, я всегда думала, что эта неподражаемая «belle simplicité» – неотъемлемая принадлежность истинно образованных людей –

должна исключительно отличать знатных людей от тех жалких parvenus, которые не знают уже, как манериться, чтобы дать себя заметить. [4:134]

В языке-источнике имя существительное *parvenu* функционирует со значением «personne qui s'est élevée bien au-dessus de sa condition première sans avoir acquis les manières qui conviendraient à son nouveau milieu» [6], производном от одного из значений глагола *parvenir* «réussir à faire quelque chose au prix d'un certain effort: *Parvenir à déchiffrer une écriture difficile*». ЛЕ была заимствована русским языком в том же значении: «выскачка (из низкого звания)» [7] и с той же негативной коннотацией (Ср. *Вот ведь и наместник был, а и заурядными людьми не брезговал, как теперья... какой-нибудь в люди выскочивши... Parvenu, знаешь, этакой, выскачка из подлости* (П.И. Мельников. Бабушкины рассказы [цит. по 7]).

Дурова, на наш взгляд, сознательно употребляет галлицизм, значение которого гораздо более конкретно, предметно и подробно, чем значение русского эквивалента: *parvenu* – это не просто выскачка, это выскачка из низов, не удосужившийся приглядеться к той среде, где он нынче вращается и, фигурально выражаясь, бесцеремонно навязывающий свой устав чужому монастырю.

Таким образом, иноязычное вкрапление используется билингвом для более точного отражения сути сказанного и при условии невозможности отразить средствами языка, на котором ведется повествование, всю полноту лексического значения прототипа.

2. Э.А.Китаниной приводятся две функции иноязычных вкраплений, которые, по нашему мнению, неотделимы друг от друга как в плане выражения, так и в плане содержания: демонстративная функция и функция языковой компетенции, причем первая заключается в намеренном дистанционировании от «третьих лиц», когда иноязычие используется автором как некий тайный код, известный лишь «своим», а вторая, обуславливающая большое количество вкраплений в тексте (сохраняющих чаще всего графику оригинала), служит критерием некоей избирательности автора, адресующего свое творчество не большому кругу читателей, а лишь некоторой его части, призванной адекватно оценить то или иное высказывание или даже произведение в целом [10].

Проиллюстрируем это на примере вышеприведенного отрывка из романа «Год жизни в Петербурге», содержащего вкрапление «*belle simplicité*». Автор абсолютно не случайно берет его

в кавычки: среди многочисленных сем толковые словари французского языка приводят следующую: «*caractère de quelqu'un, de son comportement, qui évite la recherche, l'affectation : Un accueil d'une parfaite simplicité*» (здесь и далее выделено нами – А.А.) [6]; «*qualité des personnes qui ne recherchent ni le faste ni l'apprêt*» [11] и многочисленные афоризмы¹:

Le monde est-il donc devenu, par ses vains et ridicules raffinements, plus délicat, plus honnête, plus pur que ne l'a été jusqu'à présent la sage simplicité des fidèles ? [Bourdaluou, Dim. de la Sexag. Dominic. t. I, p. 4081] ;

L'aimable simplicité du monde naissant [Fénélon, Lettres à Lamotte sur les anciens, 4 mai 1714] ;

Les Grecs dégénèrent de cette merveilleuse simplicité [Fénélon, Tél. XVII] ;

Il ramenait toutes choses à une noble et frugale simplicité [Fénélon, Tél. XI] ;

Le style qui est à la mode me porte plus que jamais à écrire avec la plus grande simplicité [Voltaire, Lett. Mme du Deffant, 11 oct. 1763] ;

Corneille a voulu intriguer ce qu'il fallait laisser dans sa simplicité majestueuse [Voltaire, Comm. Corn. Rem. Oedipe, IV, 1] ;

Clytemnestre est le modèle du grand pathétique ; Iphigénie, celui de la, simplicité noble et intéressante [Voltaire Comm. Corn. Suréna, préf. [11: 231].

Роман Франсуа Фенелона «Приключения Телемака» был крайне популярен в XVIII – XIX вв., равно как и литературно-критическое наследие Вольтера, и Дурова посредством выражения *belle simplicité* «вербализирует» свое знакомство с французской литературной традицией, с мировой культурой, в то же время кодируя информацию таким образом, что понять (оценить) ее эрудицию и ее прием сможет лишь читатель образованный, знакомый не только с расходно-приходными книгами, т.е. заведомо исключая из адресатов тех самых «жалких *parvenus*».

Менее сложный код используется автором в следующем примере:

Я положила шляпу и старалась принять важный вид, что было почти невозможно, потому что приступ к объяснению моей доброй и что-то не на шутку расхोдившейся приятельницы казался мне удивительно как похож на увещание, которое Сганарель делает дон Жуану и на которое тот отвечает: О, le beau raisonnement!.. [4: 124]

Отсылку к комедии Мольера *Dom Juan ou le Festin de pierre* («Дон Жуан, или Каменный гость») – собственные имена, реплику дон Жуана – видно невооруженным глазом. Гораздо сложнее понять, почему героине так сложно сохранить «важный вид» и отчего она так тщится «того же подумать, если уже не сказать», тогда как прочитавшему пьесе сразу становится ясно, что неуместная ирония может попросту обидеть добрую приятельницу Надежды Андреевны, которая действует, как и Сганарель, из лучших побуждений.

3. Иноязычные вкрапления часто используются в качестве эвфемизмов. Субституция русского «вульгарного» выражения его иноязычным эквивалентом смягчает, облагораживает как речь автора, так и речь его персонажей.

...остаюсь в лестной компании лакеев, собиравших со стола. Испугавшись такого неожиданного превращения из уважаемого гостя в мелкую тварь, которую можно оставить без церемонии, entouré de canailles, я бросила все и убежала. [4: 135]

В современном французском языке имя существительное *canaille* имеет одно значение: «*Personne malhonnête, sans moralité: Cette canaille a encore extorqué de l'argent à des naïfs*» [6]. Вторая сема дается с пометой *vieux – usmap.*: *Vieux. Ramassis de gens méprisables ou considérés comme tels.* [6] В русский язык слово каналья пришло со значением: «бранное франц. бездельник, негодяй, мерзавец, продувной мошенник» [12]; (ит. *canaglia*, от лат. *Canis* – собака). Бранное слово: «низкий, презренный человек» [8]. Интересно, что в 1865 г. словарь Михельсона не фиксирует еще пометы «бранное», хотя негативная коннотация, разумеется, подразумевается: «франц. *canaille*, итал. *canaglia*, от лат. *canis*, собака. Низкий, презренный человек» [7].

Вкраплением Дурова, с одной стороны, подчеркивает, что галлицизм употреблен ею в значении прототипа: «низкие, презренные люди» (вовсе необязательно, однако, мошенники или негодяи), с другой стороны, смягчает собственное суждение, собственную резкость: *canaille*, мало чем отличаясь семантически от русского *сброд*, звучит благодаря своей внешней оболочке менее грубо.

Как уже отмечалось, эвфемизирующая роль иноязычного вкрапления может обыгрываться автором для характеристики героя произведения:

- Я думаю, он и сам не знает почему, а так врал, чтобы только сказать что-нибудь в оправдание своей cochonnerie.

- А, не смеете же сказать по-русски такого деликатного словца!.. [4: 151]

¹ Афоризмы цитируются по Dictionnaire de la langue française / E.Littré // 2e édition revue et augmentée. – Т.4 – Paris: Hachette, 1873 – 1877. [11]

Герой повести, Л., юный уланский ротмистр, польский дворянин, и для него, человека благородного происхождения и воспитания, немисливо произнести при даме вульгарное слово *свинство*, что и замечает его собеседница.

4. Иноязычные вкрапления используются в тексте с целью актуализации индивидуальных особенностей персонажей художественного произведения, создания их языковых портретов:

- *Двадцать рублей, **mon ami**, - отвечала она весело* [4: 104].

- *Что делать, **mon ami**, - сказала С...ва со вздохом, и веселый вид ее изменился на грустный* [4: 104].

- *Подите, **mon ami**! Вы увидите, что это за люди! какой тон! какой дом!* [4: 107]

«А... ***bon jour, mon ami! Mon bon ami.** Где это вы были? Я посылала за вами Володю, посылала Финетту (горничная девка) – нет как нет!*» [4: 111]

«*Пожалуйста, **mon ami.** Soyez si bon; сделайте это для меня, для вашей С...вой!*» [4: 114] и т.д.

Многочисленные вкрапления-обращения *mon ami* в речи г-жи С...вой, по всей видимости, являются практически единственными иноязычными элементами в ее речи; Дурова не может не отметить необычности того факта, что ее приятельница говорит большую часть времени по-русски, что в высшей степени нехарактерно для петербургского общества, и фиксирует его со скрупулезной точностью, повторяя все *mon ami*, звучащие в речи.

Зачастую вкрапления выступают также средством оценивания героя: используя вкрапление как стилистический прием, автор может продемонстрировать симпатию к герою (как в случае с Л., описанном выше), насмешку, критическое отношение и даже неприязнь:

*Вот она приехала, вот взошла на лестницу; входит в зал, видит меня и двоих иностранцев, ее знакомых; она слегка кивает мне головою, говорит наскоро: «Здравствуйте!» и оборачивается к иностранцам – этим двум молодым людям, только что пришедшим перед ее приездом: «**Pardon, messieurs**, я заставила вас ждать, **mais j'ai été si affairée ce matin**; давно вы здесь? **Il me semble que le temps n'est pas encore si...** Еще не поздно! **Six heures et demi!**»* [4: 120]

Обильно пересыпанная русскими вкраплениями, адресованная иностранцам французская речь хозяйки, которая столь пренебрежительно отнеслась к героине, выглядит убого, живо напоминая то самое «смешенье французского с нижегородским», что высмеивал Грибоедов.

Таким образом, иноязычные элементы способны фигурировать в художественном тексте в зависимости от коммуникативных интенций автора с самыми разнообразными функциями, от сухой номинации реалий до средства оценивания речевого поведения и, как следствие, личности персонажей.

Однако нельзя забывать, что литература – это отражение реальности, с достаточно высокой точностью фиксирующее окружающую действительность. И язык героев классической литературы ясно демонстрирует: никакое засилье иноязычной лексики самобытности русского языка не угрожает, напротив – вся наша история свидетельствует о его способности «самоочищаться», избавляться от лишних, избыточных элементов: довольно значительная группа галлицизмов так и не прижилась на русской почве, хотя, если вдуматься, галломания XIX столетия гораздо более угрожала русскому языку: ведь элита нации – дворянство – «по-русски плохо знала», что заставило гений А.С. Пушкина выдать знаменитое «Письмо Татьяны к Онегину», заставляющее замирать сердца не одного поколения влюбленных, за «нулевое вкрапление», т.е. за собственный перевод – неполный, слабый, по словам самого поэта, «с живой картины бледный список»...

*****

1. *Леонтьев А.А.* Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. – М.: Наука, 1966. – С. 60 – 68.
2. *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 1968. – 206 с.
3. *Листрова-Правда Ю.Т.* Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. – 144 с.
4. *Дурова Н.А.* Записки кавалерист-девицы / Переиздание. – Казань: Татарское кн.изд-во, 1979. – 200 с.
5. *Чернец Л.В.* Иноязычная речь в художественном произведении // Русская словесность. – 2004. – №7. – С. 6 – 12.
6. *Le Petit Larousse illustré.* – Paris: Librairie Larousse, 1994. – 1527 p.
7. *Михельсон М.И.* Толковый словарь иностранных слов, пословиц и поговорок. – М.: АСТ, 2006. – 1120 с.
8. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / Составлен под ред. А.Н.Чудинова. – СПб.: Издание В.И.Губинского, 1910.
9. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Ушакова Д.Н. – М., 1935-1940. – Т.3. – 1424 с.
10. *Китанина Э.А.* Прагматика иноязычного слова в русском языке: монография. – Ростов-на-Дону, 2005. – С.112 – 118.

11. Dictionnaire de la langue française / E.Littre // 2e édition revue et augmentée. – Paris: Hachette, 1873 – 1877. – V. 4. – 2121 p. чительно умноженное по рукописи автора. – СПб., Издание книгопродавца-типографа М.О.Вольфа. 1881. – Т. 2. – 779 с.
12. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Второе издание, исправленное и зна-

FRENCH INCLUSIONS IN RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE: PRAGMATIC ASPECT

A.V.Ageeva

The article studies the functioning of foreign-language inclusions in Russian literary text of the early 19th century. The article also provides a definition of "embedded foreign elements", various approaches to the classification of inclusions in terms of their structural and functional specificity, and gives the typology of inclusions in the texts under study based on their functional yield.

Key words: foreign-language inclusion, linguistic pragmatics, Russian literature, function, bilingualism.

*****

1. *Leont'ev A.A.* Inoyazychnye vkrapleniya v russkuyu rech' // Voprosy kul'tury rechi. – M.: Nauka, 1966. – S. 60 – 68.
2. *Krysin L.P.* Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke. – M.: Nauka, 1968. – 206 s.
3. *Listrova-Pravda Yu.T.* Otkor i upotreblenie inoyazychnyx vkraplenij v russkoj literaturnoj rechi XIX veka. – Voronezh: Izd-vo VGU, 1986. – 144 s.
4. *Durova N.A.* Zapiski kavalerist-devicy / Pereizdanie. – Kazan': Tatarskoe kn.izd-vo, 1979. – 200 s.
5. *Chernec L.V.* Inoyazychnaya rech' v xudozhestvennom proizvedenii // Russkaya slovesnost'. – 2004. – № 7. – S. 6 – 12.
6. *Le Petit Larousse illustré.* – Paris: Librairie Larousse, 1994. – 1527 p.
7. *Mixel'son M. I.* Tolkovyj slovar' inostrannyx slov, poslovic i pogovorok. – M.: AST, 2006. – 1120 s.
8. Slovar' inostrannyx slov, voshedshix v sostav russkogo yazyka. Materialy dlya leksicheskoj razrabotki zaimstvovannyx slov v russkoj literaturnoj rechi / Sostavlenn pod red. A. N. Chudinova. – SPb.: Izdanie V. I. Gubinskogo, 1910.
9. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: V 4 t. / Pod red. Ushakova D. N.– M., 1935-1940. – T.3. – 1424 s.
10. *Kitanina E.A.* Pragmatika inoyazychnogo slova v russkom yazyke: monografiya. – Rostov-na-Donu, 2005. – S.112 – 118.
11. Dictionnaire de la langue française / E.Littre // 2e édition revue et augmentée. – Paris: Hachette, 1873 – 1877. – V.4. – 2121 p.
12. *Dal' V.I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: Vtoroe izdanie, ispravlennoe i znachitel'no umnozhennoe po rukopisi avtora. – SPb., Izdanie knigoprodavca-tipografa M.O. Vol'fa. 1881. – Т. 2. – 779 s.

*****

Агеева Анастасия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

Ageeva A.V. – Ph. D. in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: anastasia_ageeva@mail.ru

Поступила в редакцию 12.11.2013